Ждем ваших отзывов и комментариев по телефону +7 (963) 105-40-58 (Viber и WhatsApp), а также по электронной почте region58pp@gmail.com.

«Ощущенье полета и высохших слез»

Пензенскому врачу-онкологу Андрею Токареву самому пришлось бороться с коварной болезнью. А когда он ее победил, решил, что будет летать

25 декабря 2008 года доктор оказался... в числе пациентов. Теперь считает эту дату своим вторым днем рождения. Тогда ему сделали операцию в онкодиспансере. В том самом учреждении, в котором он отработал более 10 лет заведующим поликлиникой.

Коллеги, отводя глаза, подбадривали. Врач понимал, что, хотя рак кишечника излечим, 100-процентной гарантии никто не даст. Что ж, надо бороться!

Это было тяжелое время. Но оно позволило многое переосмыслить.

– Я понял, что чувствуют наши пациенты, – говорит Андрей Владимирович. – Теперь знаю, какие слова лучше сказать, а о чем промолчать. У нас же в отношении информирования онкобольных политика поменялась кардинально. Если раньше правду замалчивали, чтобы человек с собой ничего не сотворил, то теперь принято говорить все начистоту. Но ведь можно огорошить пациента этой информацией. Нужно грамотно подготовить его, рассказать о предполагаемом лечении и перспективах.

Мне бы в небо

Когда Токарев понял, что времени, может быть, отпущено немного, решил, что нельзя терять ни одного дня впустую. И... полетел!

Сын летчика-истребителя мечтал об этом с детства. Но из-за плоскостопия в авиацию не попал. Только мечту плоскостопием не напугаешь. Ему было 50, когда он впервые парил на параплане.

– Ты как птица! От необъятного пространства не отделяет ни борт самолета, ни иллюминатор. Абсолютный простор! И невероятная красота, – делится эмоциями Андрей.

Его рекорд – 2315 метров над точкой старта.

С Эльбруса на лыжах

Когда стало понятно, что болезнь окончательно отступила, можно было бы вернуться к тихой, размеренной жизни. Но это не про него. В багаже увлечений: сначала автопутешествия, поездки на квадроцикле, бег на лыжах. В 60 встал на горные. Пробовал кататься на местных горнолыжных спусках. А уже через месяц стартовал с высоты 4500 метров на Эльбрусе. Это на 700 метров выше верхней станции канатной дороги.

– Забрались туда на снежном тягаче, ратраке, просто полюбоваться захватывающими дух видами, – с улыбкой вспоминает Токарев, – но, правда, с лыжами. Старший группы предложил вниз спускаться на лыжах.

Один из молодых участников спросил меня: «Неужели поедешь?» Я ответил утвердительно. Он потом признался, что только этот факт заставил его присоединиться к спуску.

Не страх, а ответственность

У каждого парапланериста свой подход к полету. Кто-то приезжает, быстро расправляет «крыло» (купол) – и вот его уже не различить в небе. Токарев подходит к процессу более основательно.

– Полет на параплане не опаснее поездки на велосипеде, – говорит он, – но только если впереди идет мысль, как и впереди скальпеля во время хирургической операции. Нужно узнать прогноз погоды на ближайшие часы – полет может затянуться. А еще оценить силу и направление ветра, проверить экипировку, средства связи. Только после этого можно объявлять о своей готовности к старту.

Рекорд парапланериста – 2315 метров над точкой старта.

– А страх? Неужели его нет совсем? – интересуюсь.

– Здесь, как и в работе, присутствует скорее не страх, а ответственность, – размышляет он. – В операционной от тебя зависит жизнь другого человека, в небе – твоя собственная. Поэтому все должно быть четко продумано и безупречно сделано.

Хоть и считают парапланеристы свой вид спорта не опасным, без травм не обходится.

Первый раз неудачное приземление закончилось компрессионным переломом позвоночника. На полет после этого решился через полгода. Приехал, приготовился. Но не смог. Запаковал параплан. Приехал второй раз и понял: или сейчас, или никогда. Разгон, бешеное сердцебиение – и вот оно, пьянящее ощущение легкости. Крыло послушно реагирует на каждое движение. Ветер в лицо. Счастье!

Вниз головой

Позже Андрей Владимирович решил освоить полеты на паратрайке (по-простому – на параплане с мотором). Первый прошел успешно. Из второго, 29 августа прошлого года, помнит только как запустил мотор и двинулся по полю, подняв купол. Лететь не собирался, хотел потренироваться на земле, а очнулся в реанимации.

Побритая наголо голова, шов от уха до уха, щедро смазанный зеленкой. Масштаб трагедии стал ему понятен, когда жена описала состояние пилота, доставившего Андрея в больницу: стоял у входа с дрожащими руками и молча курил одну сигарету за другой. Он же видел, что при падении Андрей врезался в землю головой.

– В реанимации горбольницы № 6 меня удержали на этом свете, – уверен Токарев. – Когда после выхода из больницы увидел свою выписку из истории болезни, мне стало по-настоящему страшно от того, что я там прочитал.

Но раскиснуть, дать слабину он не имел права. Мощным жизненным стимулом стало рождение внуков.

Местные медики сделали все, что могли, но одна проблема оставалась неразрешенной.

– При падении Андрей повредил основание черепа, из-за чего через нос начала вытекать спинно-мозговая жидкость, ликвор, – объясняет заведующий региональным сосудистым центром областной больницы им. Бурденко Михаил Краснов. – Пустое пространство заполнилось воздухом. Это был прямой путь к воспалению мозга.

Про трудный случай рассказали известному столичному нейрохирургу Гие Гарегиновичу Шагинян. Доктор оперирует и в Пензе, где заведует кафедрой нейрохирургии Пензенского института усовершенствования врачей.

Он провел консультацию по видеосвязи и попросил доставить пациента в столицу. Томограмма показала, что в передней яме черепа зияет отверстие диаметром около 1,5 см! Техника операции по «латанию» подобных ран у бригады Гии Гарегиновича была отработана, поэтому все прошло успешно.

– Сложность заключалась в том, что обычно такие вмешательства мы проводим в течение 72 часов после травмы. А здесь прошел целый месяц! – рассказал нейрохирург.

Андрей Владимирович был покорен отношением Шагинян. Каждое утро в 7.30 он лично приходил в палату и интересовался самочувствием пациента. И после выписки остался с ним на телефонной связи.

Снова выжил!

–Я благодарен Гие Гарегиновичу за чуткость и профессионализм, всем медикам, которые помогли мне вернуться к жизни, коллегам по работе, поддерживавшим морально по телефону и в соцсетях, и, конечно, жене Оксане, которая выходила меня после всех лечебных манипуляций и операции.

Три месяца деятельному, подвижному, энергичному Андрею Токареву нельзя было наклоняться, поднимать тяжести, да и вообще напрягаться. Он мог забыться, но жена Оксана была рядом и следила, чтобы он выполнял все рекомендации.

– Еще полетите? – спрашиваю я, ожидая только отрицательного ответа.

– Этот сезон точно пропущу, а дальше видно будет, – уклончиво ответил парапланерист. – Без дела не останусь! Скоро больничный заканчивается. Потом отгуляю отпуск и вернусь к работе.

Кто-то и десятой части выпавших на его долю испытаний не пережил бы. А Токарев не привык жалеть себя и хочет двигаться дальше.

И даже если ему не суждено будет подняться в небо, он навсегда сохранит в душе то чувство свободы, что испытал под облаками. Словно в известной песне Виктора Дергунова «Пора», ветры однажды протрубят побудку и позовут реализовывать новые мечты: «И вновь ощущенье полета и высохших слез».

Екатерина РОГОЖКИНА, фото Владимира Гришина и из архива автора.